

щение, отнюду же преж ми семо исхождение бысть, медлением зде на долзе закосне скудостию ми возможных к подъятию действ». ²⁸ В переводе О. А. Державиной приведенный текст звучит следующим образом: «А мое возвращение отсюда назад в славный город (Москву), откуда раньше я сюда приехал, задержалось здесь и надолго замедлилось из-за скудости имеющихся у меня необходимых средств». ²⁹ Может быть, такое толкование и правильно. Но можно понимать текст и по-другому. Не исключена возможность, что Тимофеев имеет в виду не недостаток денежных средств, а то, что он не мог действовать свободно, не мог поступить так, как ему хотелось. Тимофеев не пользовался расположением Шуйского, и для последнего, вероятно, был нежелателен его приезд в Москву, особенно если учитывать близость Тимофеева к М. В. Скопину-Шуйскому. Между неожиданной смертью Скопина-Шуйского в Москве в апреле 1610 г. и затруднениями, с которыми столкнулся Тимофеев, желавший примерно в то же самое время попасть в Москву, по-видимому, есть какая-то внутренняя связь. Молва называла виновником смерти Скопина брата царя — Д. И. Шуйского. ³⁰ Не царь ли Василий Шуйский помешал въезду в Москву Тимофеева, подозреваемого в том, что он слишком тесно связан с М. В. Скопиным-Шуйским?

«Временник» Тимофеева полон восторженных отзывов о Скопине. Тимофеев противопоставляет последнего как храброго и инициативного полководца безвольному Василию Шуйскому. Царь Василий не мог противостоять напору тушинцев на Москву, а Скопин-Шуйский освободил столицу от тушинской осады и самого царя выпустил как птицу из клетки. ³¹ Сравнивая Скопина с Татищевым, Тимофеев замечает, что хотя у них и было одно имя, но первый отличался от второго как свет от тьмы. ³²

Близость Тимофеева к М. В. Скопину-Шуйскому подтверждается материалом одного судебного дела, относящегося к апрелю 1611 г. и хранящегося в Стокгольмском государственном архиве. Из этого дела видно также, что среди лиц, стоявших у власти в Новгороде, была группа, враждебная Тимофееву и стремившаяся его скомпрометировать. Это, очевидно, сторонники убитого М. И. Татищева.

В апреле 1611 г. гость Степан Иголкин заявил в Новгороде боярину И. Н. Большому Одоевскому и дьякам Корнилу Иевлеву и Семейке Самсонову, что, когда в результате новгородского восстания погиб М. И. Татищев, ему, С. Иголкину, поручили быть вместе с И. Тимофеевым «у переписки и у оценки» оставшихся после убитого «опальных животов». Среди них имелись две иконы — «образ Спасов да образ Николы, обложены золотом ... и украшены жемчуги и камнем дорогим». При переписи «рухляди» М. И. Татищева дьяк Иван Тимофеев «тех образов смотреть не давал неведомо для чево». В 1611 г. Степану Иголкину было поручено «считать дьяка Петра Третьякова в приходе и в росходе»; во время этой ревизии он ознакомился с книгами, в которых были описаны «образы окладные и неокладные» М. И. Татищева, и установил, что в указанной описи образа Спаса и Николы чудотворца отсутствуют.

Иван Тимофеев, допрошенный по заявлению С. Иголкина, показал: «приказал де ему переписывать ... опальную рухлядь» М. И. Татищева боярин и воевода князь М. В. Скопин-Шуйский; вместе с Тимофеевым «у той переписи были гость Степан Иголкин и иные торговые люди»:

²⁸ Временник Ивана Тимофеева, стр. 114.

²⁹ Там же, стр. 288.

³⁰ Там же, стр. 135, 312.

³¹ Там же, стр. 136, 313.

³² Там же, стр. 135, 311.